

Г.В. Любимова

Динамика отношения к природной среде русского населения юга Западной Сибири (на примере лесопользования): конец XIX – начало XXI в.*

Ключевые слова: экологическая культура этноса, практика рационального природопользования, этика отношений общества и среды обитания.

Key words: ethnic and ecological culture, the practice of rational nature exploitation, the ethics of mutual relations between the society and the environment.

Анализ существующих в научной литературе подходов показал, что в рамках экологической культуры этноса наряду с производственными или хозяйственными традициями, основанными на принципах рационального природопользования, целесообразно выделять и «внепроизводственную составляющую», а именно «этические основания» отношений общества и среды обитания [1, с. 6], в значительной степени базирующиеся на иррациональных представлениях. Саму же экологическую культуру продуктивно понимать как сложную, многоуровневую и многокомпонентную систему, которая включает в себя мировоззренческие доктрины, идеологические установки, нормы и представления обыденного сознания, а также «открытое поведение», т.е. поддающиеся внешнему наблюдению поступки индивида и общности [2, с. 348]. На основе архивных документов, материалов периодики, краеведческой литературы, законодательных актов и полевых сборов автора в статье рассматривается динамика отношения русского населения южных районов Западной Сибири к природной среде и в первую очередь к использованию лесных ресурсов края на протяжении последних ста лет.

В отличие от коренных народов Саяно-Алтая прошлое русское население изначально было ориентировано на земледельческое преобразование природного ландшафта, в том числе на активную вырубку леса, необходимую для хозяйственного освоения новых территорий. Постоянное противостояние суровым природно-климатическим условиям предопределило у переселенцев живучесть представлений о том, что «с природой нужно бороться». Вместе с тем подобные представления долгое время сочетались с верой в безграничность и неисчерпаемость природных запасов, порождая их бесконтрольное потребление.

По этой причине заготовка леса в Сибири долгое время не была связана с какими-либо ограничениями. Сами крестьяне еще в XVIII в. полагали, что «лесов... по здешнему месту благословением Божиим... великое

множество. В том оскуденья никогда не будет» [3, с. 161]. Порубка принадлежавшего казне леса и в XIX в., с точки зрения обычного права, не считалась противозаконной на том основании, что «лес (тот) никто не сажал и никто за ним не ходил.. а возрастил его Бог на потребу человека» [4, с. 86]. В то же время попытки использовать строевой лес на дрова или случаи порубки кедров «ради шишек» строго (вплоть до самосуда) пресекались: бывали случаи, когда виновных «тут же на месте преступления вешали на первой попавшейся лесине» или, привязав к деревьям, оставляли раздетыми «на съедение комарам и муравьям» [5, с. 12–13].

Форма собственности – семейная, общинная или казенная – оказывала непосредственное влияние на отношение сибиряков к природным (в том числе лесным) ресурсам края. Еще в 1830 г. известный сибирский публицист П.А. Словцов задавался вопросом: «Отчего в южных уездах строевой лес истреблен?» и сам же отвечал: «Оттого, что он не принадлежит ни Фоме, ни Ереме»; но даже если бы они оба, размышлял автор, «вздумали поберегать лесные угодыя», то вряд ли из этого что-либо вышло, поскольку «дюжина их соседей» по-прежнему «продолжала бы опустошать лес» [6, с. 55].

Значительная часть лесов вплоть до 1920-х гг. находилась в общинном владении. Вырубка общинного леса производилась по решению общественного приговора и по согласованию с выборным начальством. Архивные документы начала XX в., связанные с работой землеустроительных партий, свидетельствуют о растущем стремлении крестьян к рациональному лесопользованию. Так, жители деревни Заковряжиной Чингисской волости Барнаульского уезда Томской губернии в 1900 г. общественным приговором запретили вырубку деревьев, растущих внутри поскотины: «За нарушение приговора общество налагает штраф размером 25 коп. за срубленное дерево», – говорилось в документе. Жители соседней деревни Бедриной также составили приговор, «налагавший запрет на порубку леса в поскотине в течение 10 лет. Раньше от этого ничего не выходило, так как только лес начинал поправляться, его, по местному выражению, «порубали». Теперь же, – с удовлетворением отмечает составитель документа, – лес выравнивается очень недурно» [7].

Проходившая в форме социалистического переустройства хозяйства российская модернизация, пришедшая на первые годы советской власти, сопровождалась многочисленными издержками и перегибами.

* Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009-2010 годы)» (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования при поддержке РГНФ, проект №08-01-00333а.

Главный рупор антирелигиозной пропаганды тех лет, газета «Безбожник», писала: «Крестьянин уже не раб дрожащий перед неизвестными ему силами природы. С помощью техники... знанием и организованным трудом он становится хозяином над природой» [8]. Идеология борьбы и покорения природы как нельзя лучше отразилась в лозунгах советской эпохи – таких как «Природа не храм, а мастерская», «Мы не можем ждать милостей от природы» и пр.

Развернувшаяся в периодике кампания по защите лесных ресурсов советского государства в духе времени носила форму борьбы с религиозными пережитками и «язычески-христианскими» праздниками: в том же «Безбожнике» была впервые поднята тема «варварского» уничтожения лесного молодняка во время празднования Троицы.

В этой связи следует отметить, что традиционный смысл весенне-летних праздников народного календаря заключался, как известно, в «пробуждении» растительных сил земли, олицетворением которых выступало молодое деревце березки. В ритуальном контексте слова лирической обрядовой песни («Пойду в лес погуляю, белую березу заламаю...») воспринимались как буквальное описание одного из ключевых моментов троицкого обряда. Однако в новых условиях, когда аграрная обрядность оказалась идеологически пережиточной, подобным религиозно-обрядовым практикам стали придавать антиэкологическое значение. Ср.: «Пролетариат не может позволить в интересах суеверной части граждан варварски губить в лесах молодняк, подрывая тем самым хозяйство рабочих и крестьян. Порубка березок должна быть воспрещена законом». Автор публикации не сомневается, что «в обществе будущего Троица отомрет», а саму «старушечью» Троицу непременно заменят «праздники древонасаждений» [8].

Сложный и противоречивый характер отношения русских сибиряков к природной среде как нельзя лучше отразился в трудах местных краеведов. Размышления на эту тему находим, к примеру, у сузунского публициста П.Ф. Пирожкова (1908–1979), с горечью писавшего об отсутствии «жалостного и бережного» отношения его земляков к природе: «Да и как с ней (с природой. – Г.Л.) было не бороться, если и без того малопродуктивный труд населения Сибири иной раз сводился к нулю вследствие засухи, вымочки посевов, осенних и весенних заморозков или вредителей». Вспоминая времена своей молодости, автор констатировал: «зато сама природа была настолько буйна и обильна, что не было (как казалось)... этому обилию ни конца и ни края. Лесу руби, сколько надо, и не вырубешь, траву коси и не выкосишь, рыбу лови и не выловишь... а также не выносить из лесов и полей грибов, ягод и прочих даров» [9]. Таким образом, отношение к природному окружению как к бесконечному источнику жизненных благ, характерное прежде всего

для традиционного мировоззрения, в сознании сельского населения края сохранялось вплоть до второй половины XX в.

В последнее время подобные представления, как показывают проведенные в Новосибирской области исследования, сменяются другими, основанными на понимании проблемы исчерпаемости природных запасов. Как утверждают пожилые информаторы, на протяжении жизни только одного поколения произошло значительное сокращение видового разнообразия растительного и животного мира. Приведем характерные высказывания: «в прежнее время белый гриб из леса мешками таскали», «ягод в лесу навалом было», теперь же – «и пескаря из речки не выловишь», «боровой дичи стало меньше, во много раз сократилось количество журавлей, рябчиков, тетеревов и перепелов» (ИМА, Маслянинский район Новосибирской области, 2002). Многие из опрошенных связывают перечисленные явления с проводившейся в 1960–70-е гг. тотальной химизацией сельского хозяйства. Именно тогда, считают информаторы, произошло практически полное исчезновение косуль, рысей, значительно уменьшилось количество лосей, белок, зайцев и лис. Те же причины, уверены многие, привели к заметному росту онкологических заболеваний.

Удивительные параллели сказанному находим в рассуждениях современных писателей-старообрядцев, в которых дается оценка новым реалиям современной жизни и в первую очередь достижениям науки и техники XX в. Так, в сочинении енисейского крестьянского писателя А.Г. Мурачева, озаглавленном «Наука и техника природе убийца» (1983), говорится, что именно «химия» послужила причиной, по которой «изгинули» или «совсем ушли к отмиранию десятки пород», заботливо сохраненных Ноем «от гибели потопа», а в людях – «неслыханные болезни открылись». В силу ярко выраженного эсхатологического характера старообрядческого мировоззрения в целом, все перечисленные явления (когда «лес сохнет, трава блекнет... скалы и камни дряхлеют, моря и реки мелеют» и т.п.) расцениваются автором как неопровержимые признаки наступления «последних времен» [10, с. 398–399].

Тема отношения к лесным богатствам края постоянно присутствует в сибирской краеведческой литературе. Так, приведя в своем описании за 1928 г. впечатляющие картины «непроходимой тайги или черни, поражающей своей мощью и диким величием», учитель Маслянинской опорной школы Василий Казанцев с сожалением отмечает, что «имея на руках большие лесные богатства», население «не привыкло к бережному обращению с лесом». Строевой лес рубят на дрова, беспощадно вырубает молодняк, не ведется работа по предупреждению лесных пожаров [11]. Не удивительно, что уже в 1970-е гг. А.Т. Лямзин, другой маслянинский краевед, пишет: «...обеспокоенная дей-

ствиями увеличивающегося населения» природа стала беднее, «на смену черневой тайге пришли березовые колки, все дальше отступают поляны с обильной россыпью огоньков... не стало на ближних лугах забавных сурков, исчезли с берегов реки крикливые чайки... Однако отрадно наблюдать, как с каждым годом хорошеет и благоустраивается поселок», – заключает автор [13].

В настоящее время сельские жители всерьез обеспокоены вырубкой знаменитых маслянинских ленточных боров, которая ведется почти вплотную к райцентру. По словам представителя районной администрации, возглавляющего комитет по охране окружающей среды и природных ресурсов, «с лесом в районе ситуация сложная. С одной стороны, это недоруб, что означает болезни деревьев. С другой, вырубается лучший лес – кедр, сосна, а остается гнилая осина. Лесопосадки требуют больших расходов на топливо – бензин, солярку. Деньги из бюджета приходят не вовремя. Наконец, сами лесники руководствуются представлениями о лесе пятидесятилетней давности, мол, леса у нас много, на всех хватит... Мы по-прежнему считаем, что природа все сама восстановит, и это остается нашим устойчивым заблуждением» (ПМА, 2002 г.).

Следствием проводимых в 1990-е гг. реформ, как отмечают эксперты, стало резкое обострение не только социальных, но и экологических проблем [13, с. 171, 173 и др.]. Разрушение колхозно-совхозной системы, а также не оправдавшиеся надежды на массовое развитие фермерского движения, которое (при отсутствии

кредитов и техники) не дало ожидаемых результатов, проявились в повсеместно наблюдаемом снижении интереса к земледельческому труду. В качестве типичных приведем следующие суждения: «Раньше люди за землю бились, кровь за нее проливали, а теперь она никому не нужна!»; «Что я голыми руками могу на земле сделать? Кому она нужна, если ее обрабатывать нечем?» и т.п. (ПМА, Маслянинский район Новосибирской области, 2002 г.).

Массовой формой экологической культуры сельского населения в последние годы становится выживание за счет личного подсобного хозяйства. В то же время отсутствие постоянной работы способствует вовлечению сельских жителей в экологический криминал. Так, вырубка Караканского бора в Ордынском районе Новосибирской области, по словам самих селян, осуществляется самым «варварским», «беспощадным» способом (с разрушением почвенного покрова, захламлением территории лесопорубочными остатками и пр.). Ср.: «Сейчас браконьерничают все, кому не лень. А чем еще заниматься? Работы-то нет!»; «У всех бензопилы, свой автотранспорт, продадут напиленный лес и живут!» (ПМА, 2004 г.).

Полевые материалы показывают, что разработка и реализация Земельного, Лесного и Водного кодексов Российской Федерации также вызывают далеко не однозначную реакцию на селе. Таким образом, современная экологическая культура русского населения южных районов Западной Сибири характеризуется сложным переплетением как экофильных, так и экوفобных тенденций.

Библиографический список

1. Яницкий, О.Н. Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики / О.Н. Яницкий. – М., 2007.
2. Любимова, Г.В. К определению предметной области экологической культуры этноса / Г.В. Любимова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – №20.
3. Миненко, Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. / Н.А. Миненко. – Новосибирск, 1991.
4. Костров, Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии / Н. Костров. – Томск, 1876.
5. Швецов, С. Очерк Сургутского края / С. Швецов // Записки ЗСО РГО. – Омск, 1889. – Кн. 10–11.
6. Словцов, П.А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. / П.А. Словцов. – М., 1834.
7. Сузунский районный государственный архив Новосибирской области. – Ф. 7. – Оп. 1. – №2; Ф. 7. – Оп. 1. – №4.
8. Безбожник. – 1923. – №23.
9. Сузунский районный краеведческий музей Новосибирской области. Фонд П.Ф. Пирожкова.
10. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. – Новосибирск, 2005.
11. Маслянинский районный государственный архив Новосибирской области. Фонд В. Казанцева.
12. Маслянинский районный краеведческий музей Новосибирской области. Фонд А.Т. Лямзина.
13. Калугина, З.И. Парадоксы аграрной реформы в России / З.И. Калугина. – Новосибирск, 2001.